

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

LXXVI

**БАЙ ЮЙ ЦЗИН
(СУТРА СТА ПРИТЧ)**

**ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО
И КОММЕНТАРИЙ И. С. Гуревич
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Л. Н. МЕНЬШИКОВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА · 1986

ББК 84.35
Б18

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА"

О.Ф.Акимущин, А.Н.Болдырев, Г.М.Бонгард-Левин (зам.председателя), И.С.Брагинский, Г.Ф.Гирс (зам. председателя), В.Н.Горегляд, П.А.Грязневич, Д.В.Деотик, И.М.Дьяконов, Г.А.Зограф, Дж.В.Каграманов, У.И.Каримов, А.Н.Кононов (председатель), Е.И.Кичанов, Л.Н.Меньшиков, Е.П.Метревели, Э.Н.Темкин (отв.секретарь), С.С.Цельникер, К.Н.Юзбашян

Ответственный редактор
Л.Н.МЕНЬШИКОВ

БАЙ ЮЙ ЦЗИН (СУТРА СТА ПРИТЧ). Пер. с кит. и коммент. И.С.Гуревич. Вступит. статья Л.Н.Меньшикова. Стихи в переводе Л.Н.Меньшикова. /Отв. ред. Л.Н.Меньшиков/. М., Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1986.

128 с. ("Памятники письменности Востока". LXXVI).

Первый полный комментированный перевод популярного в Китае сочинения V в. – собрания сюжетных рассказов индийского происхождения, в санскритском подлиннике не сохранившихся и имеющих только в китайском переводе и обработке.

Сопровождается подробной вступительной статьей.

Б 470300000-038 89-85
013(02) - 86

ББК 84.35

Список книг серий "Памятники литературы народов Востока" и "Памятники письменности Востока", вышедших в свет в 1959–1985 гг., опубликован в каталоге серийных изданий, выпущенном Главной редакцией восточной литературы издательства "Наука" в 1986 г. Ниже приводятся книги серии, готовящиеся к изданию.

"ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА"

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.4. Пер. с китайского, предисловие и комментарий Р.В.Вяткина.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.5. Пер. с китайского, предисловие и комментарий Р.В.Вяткина.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан ("Древняя история Курдистана"). Т.1. Факсимиле рукописи. Издание текста, предисловие и указатели К.К.Курдоева и Ж.С.Мусаэлян.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и комментарий М.О.Дарбинян-Меликян и Л.А.Ханларян. Вступительная статья С.С.Аверинцева.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, комментарий и введение О.Ю.Чунаковой.
- LXXIX. Мабда-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с турецкого, комментарий и введение И.Е.Петросян.
- LXXX. Махабхарата. Книга 3. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, комментарий и предисловие Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Н.Меньшиков. Буддийские притчи в китайской литературе . . .	7
Сутра ста притч. Перевод	51
Цзюань первая	52
Цзюань вторая	83
Комментарий	113
Summary	127

БУДДИЙСКИЕ ПРИТЧИ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1. О БУДДИЙСКИХ ПРИТЧАХ

Предлагаемый перевод "Сутры ста притч" (*Бай кэй цзин*, 百喻經) знакомит русского читателя с весьма своеобразным памятником китайской литературы. По давней традиции эта книга входит в свод буддийских сочинений на китайском языке *Да цзан цзин* 大藏經, или в китайскую Трипитаку¹, в раздел *Бэньхуань* (本緣, "Первопричины", от санскритского *jāṭaka* – "джатака"). Так называются в буддизме рассказы о предыдущих перерождениях Будды и других святых. Отдельные джатаки обычно связываются между собой с помощью причинной связи: состояние, которого достигает человек или иное существо в новом перерождении, обусловлено его благими или злыми делами (кармой) в перерождении предыдущем.

Однако не все произведения раздела *Бэньхуань* могут быть названы джатаками. Сюда же входят легенды и притчи, объединяемые под названием "авадана" (*avadāna*), или по-китайски *шии* 譬喻 "уподобления", из которых нас здесь будут интересовать только краткие "уподобления", т.е. собственно притчи². Как правило, аваданы, в том числе и притчи, отдельными произведениями не являются. Это скорее один из приемов, употребляемых при рассказывании

¹ В Китае имеется несколько старинных изданий всего свода, наиболее раннее относится к 1239 г. Мы пользуемся японским изданием *Да цзан цзин*, наиболее полным по составу и надежным в смысле учета всех вариантов входящих в свод текстов. Оно носит название 大正新修大藏經 (Заново составленная Трипитака годов Тайсё. Т. I–LXXXV. Токио, 1924–1929). "Сутра ста притч" входит в т. IV "Трипитаки Тайсё", № 209, с. 534–557.

² Притчи противопоставляются обширным аваданам–преданиям; примером такой аваданы является текст, опубликованный в книге: *Бонгард-Левин Г.М., Волкова О.Ф.* Легенда о Кунале (*Kuṇalāvadāna* из неопубликованной рукописи *Aśokāvadānamālā*). М., 1963.

сутр. Связан этот прием с понятием "средства" (фанбянь, 方便, санскр. upāya). В сутрах, в том числе и особенно в самой популярной из них — "Сутре о лотосе сокровенного закона" (妙法蓮華經, Saddharma-puṇḍarīka-sūtra)³, неоднократно говорится об опасности излагать для непосвященных сокровенный закон учения Будды непосредственно и во всей его глубине. Неподготовленный человек может испугаться, даже отворотиться от истинного пути, в положениях своих несходного с привычными представлениями этого мира. Поэтому лучше действовать исподволь, с помощью особых средств, одним из которых и является рассказывание притч, где сложное и непривычное понятие уподоблено привычным житейским вещам. Одна из притч "Сутры о лотосе сокровенного закона", чаще кратко называемой "Лotosовой сутрой" (цзюань 2), которую мы вследствие ее обширности приведем только в кратком изложении, служит хорошим примером таких рассказов и в то же время иллюстрирует, как с помощью притчи объясняется само понятие "средства". Условно эту притчу (в подлиннике названия не имеющую) обычно называют "Притчей о сыне-бедняке".

У одного богача был блудный сын, живший в бедности и добывавший себе пропитание собственным трудом. Долгие годы отец повсюду его разыскивал, но безуспешно. Однажды сын-бедняк неожиданно столкнулся с отцом, испугался роскоши богатого подворья не узнавшего им родителя и пустился наутек. Тогда отец велел догнать его и дал сыну привычную для того самую черную работу. И только после ряда постепенных повышений, после того как сын по своему положению приблизился к отцу, богач открыл своему отпрыску, кто он такой, и назначил его своим наследником. В заключение этой истории ученики Будды уподобляют самих себя блудным сыновьям, а Будду — отцу, который постепенно, шаг за шагом, с применением приемов "средств" приводит своих духовных сыновей на путь истины⁴.

Как и обычно в буддийских сочинениях, приведенная притча есть лишь "средство", употребленное в более обширном повествовании, и как самостоятельное произведение рассматриваться не может. Отдельным литературным жанром притчи еще не стали, хотя, конечно, возможность их выделения в таковой не была исключена.

Однако в том же разделе китайской Трипитаки — *Бэньюань* — есть произведения особого рода, именуемые "сутры

³ Трипитака Тайсё, IX, № 262. Перевод Кумараживы (鳩摩羅什, Kumārajīva, 344–413 гг.).

⁴ Там же, с. 16–17.

притч" (тихойцзин, 譬喻經, avadāna-sūtra), где явно намечается тенденция к обособлению притч в отдельный разряд литературы. Таких произведений в Трипитаке совсем немного: кроме "Сутры ста притч" имеется еще пять сутр этого рода. Все они невелики по объему — не превышают двух цзюаней, т.е., в древнем китайском исчислении, двух свитков⁵.

Есть основания думать, что сутры притч, или авадана-сутры, были созданы сравнительно поздно. Если другие сутры анонимны и имена составителей их нам неизвестны, то имена авторов или составителей авадана-сутр дошли до нас в трех из шести случаев. Это значит, что переводчики знали эти имена и что жизнь их носителей не была отделена от времени перевода слишком большим интервалом. Характерна еще одна особенность: при указании имени автора, располагающегося, по китайскому обычаю, сразу после заглавия, в сутрах притч употребляется не глагол "создал" (造), как мы это видим в других буддийских сочинениях, создатели которых известны, например в шастрах; вместо него мы обнаруживаем в авадана-сутрах другой глагол — "собрал" (集), что, несомненно, указывает на компиляторскую деятельность и на то, что переводчики об этом знали. Об этом свидетельствуют и скудные биографические сведения, дошедшие до нас. Но сначала перечислим и кратко охарактеризуем интересные нас сочинения.

Первое собрание буддийских притч, имеющееся в китайском переводе, относится ко II в. н.э., составитель его неизвестен, перевод же выполнил Чжи Лоуцзячань (支婁迦讖) из племени Юэчжи⁶. Сочинение, включающее 12 притч, называется "Сутра разных притч" (雜譬喻經) или "Новая сутра притч" (新譬喻經). Поскольку в источниках нет указаний на более старую сутру притч (сочинение под

⁵ Там же, IV, 499–542, № 204–208. — Впрочем, стандартная длина свитка в разные периоды менялась. Примером может служить та же "Сутра ста притч", которая в самых старых каталогах обозначена как имеющая десять свитков (цзюаней), а в нынешнем стандартном издании состоит из четырех свитков. Значит, длина свитка к XI в. (когда были отпечатаны первые стандартные издания) увеличилась в 2 и более раза.

⁶ Напомним, что имена буддийских монахов в Китае, выходцев из западных по отношению к этой стране земель, нередко включают в себя сокращенное наименование их родины или племени, из которого они происходят. В Китае эти компоненты воспринимались как фамильные знаки, и они дали начало некоторым китайским фамилиям. Таковы ны-

названием "Старая сутра притч" переведено в III в. и в счет приниматься не может), "новая" она, по-видимому, только потому, что была составлена непосредственно перед ее переводом, если слово "новый" вообще не ошибка⁷.

Вторая авадана-сутра носит то же заглавие: "Сутра разных притч". У нее тоже есть вариант названия: "Сутра о том, как бодхисаттвы приводят людей к истине" (菩薩度人經). Включает она 32 притчи. Переводчик ее неизвестен, мы знаем только, что он был современником Чжи Лоуцзячана⁸.

Третье произведение этого рода "Старая сутра разных притч" (舊雜譬喻經) была переведена в третьей четверти III в. В ней 61 притча, переводчик — Кан Сэн-хуэй (康僧會)⁹.

Четвертая книга, также носящая название "Сутра разных притч", составлена из 39 притч. Возможно, именно по отношению к ней сочинение, переведенное Кан Сэн-хуэем, является "старой" одноименной сутрой. Составлена она человеком по имени Дао-люэ (道略)¹⁰. Поскольку перевод-

нешние фамилии Ань (от Аньси 安息, или Арсак, одного из названий Парфии), Чжи (от Юэчжи 月支), Кан (от Канцзюй, или Кангюй 康居), Чжу (от древнекитайского названия Индии Тяньчжу 天竺). Чжи Лоуцзячань был, таким образом, родом из Юэчжи. Нандзё Бунью полагает, что его санскритское имя было Локараша. Прибыв в Китай в середине II в., он переводил произведения Трипитаки до 186 г. Из 23 его переводов сохранилось 12 (см.: *Nanjio Bunyu. Catalogue of the Chinese Translations of the Buddhist Tripitaka. Oxf., 1883, стб.380-381. Далее — Nanjio*).

⁷ Трипитака Тайсё, IV, № 204. — Не исключена возможность, что иероглиф "новый" во втором варианте заглавия есть просто смешение скорописного начертания знаков "разный" и "новый", допущенное при переписке. Тогда остается только первый вариант заглавия.

⁸ Там же, № 205.

⁹ Там же, № 206. — Кан Сэн-хуэй из племени Канцзюй родился в Индии. В Китай прибыл в 241 г. (по другим источникам, в 247 г.). Возле города Цзяньэ (нынешний Нанкин) он основал монастырь Цзяньчусы (建初寺). Переводами занимался с 251 г. до самой смерти в 280 г. Разные источники называют от семи до четырнадцати его переводов, до нашего времени дошло два. См.: *Nanjio*, стб.390.

¹⁰ Там же, № 207. — О составителе нет никаких исторических сведений. Поскольку его имя в другом случае упоминается рядом с Кумарадживой, можно думать, что даты их деятельности недалеко отстоят друг от друга.

чик не указан и нет даже обычной пометы: "Переводчик неизвестен", можно думать, что сочинение скопировано из притч, выбранных из ранее переведенных на китайский язык произведений. Составление сутры относится к 405 г.

Наконец, пятая книга этого рода, где представлены 44 притчи, составлена тем же самым Дао-люэ, а переведена на китайский язык Кумарадживой (надо полагать, что Дао-люэ отобрал притчи из переводов Кумарадживы и составил из них свод, — видимо, он был современником Кумарадживы). Сутра именуется "Разные притчи, собранные по всем сутрам" (衆經撰雜譬喻)¹¹. Обратим внимание,

что "собрал", а не "создал" говорится в колофонах именно про Дао-люэ. Творчество этого автора свидетельствует о том, что перед нами (и можно считать, что во всех случаях, разбираемых здесь) сравнительно поздние компиляции и что некоторые из собраний притч, кроме того, составлены непосредственно в Китае на потребу китайского читателя.

Для того чтобы яснее представить себе характер притч, входящих в сочинения рассматриваемой группы, приведем некоторые из них в переводе. Притчи взяты наудачу из "Сутры разных притч" Дао-люэ.

"Некогда, во время Кашьяпа-будды, жили два брата. Оба ушли от мира и стали шраманами. Старший брат строго придерживался обетов и предавался самосозерцанию. Он всеми силами искал истинный Путь, но не любил раздавать подаяние. Младший же, наоборот, совершенствовал свою счастливую судьбу (карму) раздачей подаяния, но находил удовольствие в нарушении обетов. Когда Шакьямуни появился в этом мире, старший брат вслед за Буддой ушел от мирских дел, совершенствовался на Пути истины и стал архатом. Однако он по несовершенству своего счастья всегда страдал от недостатка одежды и пищи и вместе с товарищами бродил в поисках подаяния, а потом возвращался, так и не насытившись. Младший же из братьев переродился в слона, как слон был очень силен и мог уничтожить любых врагов. Царь той страны любил его, украшал подвесками из золота, серебра и драгоценностей и еще пожаловал его сотнями селений, которые должны были поставлять все, чего этот слон пожелает.

В это время старший брат из-за сильных недородов, случившихся в мире, бродил в поисках подаяния семь дней, но ничего не собрал. В конце концов ему удалось добыть немного грубой пищи, только чтобы остаться в живых. А он уже знал, что этот слон в прежнем рождении был его братом, и пошел его навестить. Взяв слона рукой за ухо, он сказал:

- Мы с тобой оба грешники.

Слон, поразмыслив над словами бхикшу, познал свою прежнюю судьбу (карму), узрел причины в предыдущем перерождении

¹¹ Там же, № 208.

нии. Он затосковал, не пил и не ел. Погонщик перепугался, пошел и сказал царю:

– Слон перестал пить и есть, не знаю, в чем дело.

Царь спросил погонщика, не беспокоил ли кто-нибудь слона. Тот ответил царю:

– Никого чужого не было, я заметил только одного шрамана. Он подошел к слону и тут же пошел прочь.

Царь послал людей на четыре стороны разыскивать этого шрамана, и один из них, разыскав того в лесу, представил пред лицо царя. Царь спросил шрамана:

– Что ты говорил, стоя возле моего слона?

Тот ответил царю:

– Сказал я совсем немного, только поведал слону, что я и он – оба грешники.

И тогда шрамана рассказал царю все, что было причинами в предыдущем перерождении. Царь все понял и позволил этому шрамане возвратиться туда, где он жил¹².

Эта притча, или авадана, производит впечатление отрывка, извлеченного из более обширного повествования. В ней отсутствует привычное для притч в буддийских сочинениях резюме, где рассказчик (Будда Шакьямуни или кто-либо из его учеников) объясняет собравшимся, какое положение учения Будды может быть понято с помощью данного рассказа. В то же время самостоятельные сутры или другие сочинения буддийского канона имеют вступление, в котором общается, где, когда, кто поведал эту историю, кто ее слушал и кто пересказал после кончины Будды Шакьямуни. Всего этого в нашей притче нет, и потому по нормам буддийской литературы она не может считаться отдельным, самостоятельным сочинением; то же характерно и для остальных притч во всех перечисленных выше собраниях. Следующая притча в "Сутре разных притч" выглядит так.

"Некогда жил актер, умевший устраивать представления всякого рода. У одного богатого домохозяина он попросил вола. Домохозяин и в мыслях не имел выполнить его просьбу и потому сказал ему так:

– Если ты сможешь столь же старательно продолжать свои представления днем и ночью без отдыха в течение целого года, я отдам тебе вола.

Актер ответил, что сможет, но, в свою очередь, спросил, сумеет ли хозяин все это время слушать. Тот также ответил, что сумеет. Когда актер все это услышал, сердце его прямо возликовало. Три дня и три ночи он не выказывал никакой усталости, и домохозяину надоело наконец его слушать. Он велел домохозяину вывести вола и отдать актеру.

¹² Притча 3 в указанной сутре. *Нашьяна-будда* – будда, приход которого предшествовал приходу Шакьямуни. *Шрамана* – общее название членов буддийской общины монахов-мужчин. *Бхикшу* – странствующий монах, просящий подаяние. Эту и следующие притчи см.: Трипитака Тайсё, IV, 532 и сл.

Уподобим это вот чему: при вступлении на Путь истины люди сами творят свою счастливую судьбу (карму), и не надо считать число необходимых для этого калп слишком долгим сроком. Чем усерднее усилия, тем скорее будет воздаяние, не всегда необходимо пройти несколько калп".

В этой притче есть вывод, резюме, но скорее успокаивающего, чем наставляющего, свойства. Буддийское учение предусматривает достижение истины в течение длинного ряда перерождений и калп (калпа – срок, проходящий от зарождения до уничтожения одного из бесчисленных во времени и пространстве миров). Такой срок рядовому человеку, естественно, может показаться чересчур долгим. Резюме как бы обещает ему, что, будь он только усерден, и этот необозримый срок может значительно сократиться. Данная притча, как и предыдущая, производит впечатление извлеченной из какого-то более обширного сочинения и снабженной моралью, учитывающей запросы рядовых последователей буддизма. Приведем еще одну притчу.

"Некогда один бхикшу был изгнан [из общины] и пошел прочь, сетуя, вздыхая и стоная. По дороге он повстречал демона, который тоже был изгнан небесным царем Вайшраманой за нарушение закона. Тут демон спросил у бхикшу:

– Из-за чего ты бредешь здесь, стоная?

Бхикшу отвечал:

– Я нарушил монашеские правила, и монахи общины изгнали меня. Теперь я лишился всех даров и подношений, и недобрая слава распространяется обо мне повсюду. Вот почему я горю и лью слезы.

Демон заявил бхикшу:

– Я могу помочь тебе уничтожить дурную славу и получить богатые подношения. Ты должен немедленно встать на мое левое плечо, а я вознесу тебя на воздух. Люди увидят лишь тебя, я же останусь невидимым. Но ты, если получишь богатые подношения, первому дашь их мне.

И вот на плече демона бхикшу стал передвигаться в воздухе над тем самым селением, откуда раньше был изгнан. Тогда люди в селении, пораженные, решили, что он достиг истинного Пути, и стали говорить друг другу:

– Монахи нашей общины – невежи, они изгнали человека, достигшего Пути истины!

И жители селения тут же отправились в эту обитель и отругали монахов, а потом пригласили нашего бхикшу поселиться в обители и принесли ему богатые подношения. Этот бхикшу полученные одежду, пищу и другие предметы прежде всего преподнес демону, не нарушив соглашения. На следующий день демон снова стал передвигаться в воздухе с бхикшу на плече. Но тут перед ним предстал слугитель небесного царя Вайшрама. Увидев его, демон чрезвычайно перепугался, скинул с себя бхикшу и что было силы пустился наутек. Бхикшу же упал на землю и разбился вдребезги.

Уподобим это вот чему: идущий по Пути истины должен сам осуществлять свое движение, не полагаясь на богатых и сильных. Иначе он в один прекрасный день будет низвергнут совсем так же, как тот бхикшу".

Ничего, кроме сказанного уже о первой и особенно второй притче, мы здесь добавить не можем. Поскольку выводы начинают повторяться, мы оставим дальнейшие примеры. Становится ясным, что главной задачей составителя было отобрать сами притчи. Что же касается морализующих концовок, то они или вовсе отсутствуют (как в первой из приведенных притч), или весьма кратки, примитивны и на какие-то глубокие обобщения не претендуют. В этом отношении они радикально отличаются от притч, входящих в состав больших произведений, хотя бы в ту же самую, упоминавшуюся выше – "Сутру о лотосе сокровенного закона". Ранее мы видели, что в этой сутре иллюстрируется понятие "средства". Ознакомимся с полным текстом еще одной небольшой притчи из той же сутры; притча эта условно может быть названа "Притча о спрятанном жемчуге"¹³.

"Некто пришел в дом близкого друга и лег там, напившись допьяна. А в это время его близкий друг должен был уйти по своим служебным делам. Он прикрепил этому человеку к подкладке одежды в подарок жемчуг, не имеющий цены, и ушел. А этот человек лежал упившись, ничего не чувствовал и ничего не понимал. Когда же поднялся, то направился в чужую страну, добывал одежду и пищу тяжким трудом и очень нуждался. Если ему удавалось добыть малое, он уже считал себя удовлетворенным. Впоследствии случилось, что друг повстречал его и сказал ему так:

– Эй, достойный муж! Почему ты терпишь такие муки ради одежды и пищи? Я уже давно, желая тебе спокойствия и удовлетворения пяти желаний, в такой-то год, луну и день, прикрепил тебе к подкладке бесценный жемчуг, он и сейчас по-прежнему на том же месте, но ты, не зная об этом, трудишься и страдаешь, чтобы обеспечить свое существование. Это очень глупо! Ныне ты можешь обменять эту драгоценность на все, что тебе угодно, и всегда иметь все, что пожелаешь, ни в чем не испытывая недостатка.

Будда совершенно так же беспрестанно нас наставляет, чтобы мы возымели помыслы, мудрые во всем, и стремились отбросить прочь все несправедное. А мы не знаем этого, не понимаем этого и, едва достигнем пути архата, уже называем себя перешедшими в уничтожение. Трудясь, мы живем в нужде и малое считаем для себя достаточным, хотя желания, мудрые во всем, мы все еще не утратили. Ныне же Превосходнейший в Мире надоумил нас следующими словами:

– О бхикшу! То, что вы обрели, не есть еще окончательное уничтожение. Я давно уже привел вас к тому, что вы

¹³ Трипитака Тайсё, IX, 29.

посеяли семена корней добра будды, и с помощью "средства" показал вам облик нирваны. Но вы решили, что и в самом деле обрели записи ануттарасамьяксамбодхи (полное просветление, выше которого ничего нет. – Л.М.). И по этой-то причине ликуете, получив то, чего раньше никогда не имели".

Этот пример наглядно показывает, как в "Сутре о лотосе сокровенного закона" употребляются притчи для иллюстрации положений, которые в чистом виде не так-то легко усвоить. В приведенной притче таким положением является тезис о том, что все, принимаемое нами за достижения, на самом деле ничто по сравнению с требуемым для наивысшего просветления (ануттарасамьяксамбодхи). Подобно этому герой притчи радуется малому, добытому в трудах, не ведая о спрятанном у него жемчуге. По этой, а также по приведенной выше в кратком изложении "Притче о сыне-бедняке" можно представить себе разницу между оформлением и изложением притч в сутрах разбираемого нами разряда и в иных сутрах, включающих притчи как часть обширного повествования. Не говоря уже о размерах (в той же "Лотосовой сутре" есть притчи, занимающие целую главу), пояснения к притчам в составе других сутр весьма обширны и нередко значительно превосходят саму притчу. Другая картина в авадана-сутрах. Там притчи невелики по объему, и если имеют дидактическую концовку, то сравнительно простую по построению и по выраженным в ней наставлениям. Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о том, какой вид притч первичен и какой – вторичен. Сам собой напрашивается ответ: простое предшествует сложному; на самом деле вопрос не решается так однозначно.

Мы уже обращали внимание на то, что собрания притч Дао-люэ были составлены в Китае. И если подавляющее большинство буддийских канонических сочинений оформилось за пределами этой страны и лишь потом они были переведены, то здесь дело обстоит несколько иначе. Сами притчи – несомненно, плод иноземной традиции, но имеющиеся своды притч были составлены или в самом Китае, или за пределами его, но явно с учетом развития китайской литературы того времени. Иными словами, если сутры этого рода и ввезены, то составители их явно ориентировались на китайские вкусы того времени и компилировали эти сочинения в расчете на тогдашнюю китайскую публику. Этому последнему положению есть и фактические подтверждения, но слишком сложные, чтобы подробно рассматривать их на страницах настоящей статьи.

Тот период, когда в Китае появлялись сутры притч, т.е. II-V вв., был временем широкого распространения в стране сборников коротких рассказов (*сяошо*, 小說), наиболее известный из которых – "Поиски духов" (搜神記) – был составлен в первой половине IV в. Гань Бао (干寶).

Рассказы эти излагают небольшие сюжеты фантастического или позже бытового характера и, как правило, не включают морализующего элемента. Их появление и широкое распространение знаменуют собой тот факт, что в повествовательной прозе этого периода впервые в истории китайской литературы проявляется интерес к сюжету, как таковому, независимо от того, можно ли из данного рассказа вывести некие полезные поучения или нет. Ранее сюжетное повествование, басня, притча, исторический эпизод и т.п. не имели самостоятельного значения и использовались как иллюстрация к философским положениям, как наставляющий потомков исторический прецедент, как повод для морального поучения¹⁴. Ту же самую тенденцию к выделению сюжета, как имеющего самостоятельное значение литературного явления, мы наблюдаем и в появившихся в это время буддийских сочинениях – книгах притч. Сохранение в них более сильного дидактического оттенка, нежели в светских сборниках коротких рассказов, неудивительно для сборников буддийского толка. Удивительным может показаться другое: столь малый и столь упрощенный наставляющий и морализующий элемент, в них заключенный.

Сравнение с параллельно развивающимися явлениями оригинальной китайской литературы показывает, что в буддийской литературе, прямо или опосредованно восходящей к индийским образцам (в том числе и тогда, когда сводные сутры притч составлены в Китае, но на материале иноземного происхождения), наблюдаются те же процессы. Поскольку в самом выборе переводов и в особенностях подхода к переводимому материалу всегда сказываются вкусы и тенденции эпохи, поскольку переводы являются фактом той словесности, на язык которой переведено произведение (кому придет в голову изучать, например, Гомера по русским переводам, но переводы Гнедича и Жуковского составляют несомненную, важную даже часть русской литературы), поскольку для передачи особенностей оригинала приходится изобретать средства в языке перевода – по всем этим причинам мы вправе рассматривать сутры притч как имею-

¹⁴ О сюжетной прозе этого времени см. в нашей статье "Сюжетная проза периода Лю-чао" (в печати). Опубликованы следующие переводы на русский язык, дающие о рассказах этого периода достаточное представление: Восточная новелла. Сост. З.Н.Ворожейкина, О.Л.Фишман. М., 1963; Волшебное зеркало. Дотанские новеллы. Пер. с кит. А.Тихова и В.Панасюка. Сост. и предисл. А.Тихова. М., 1963; Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы). См. также вступительные статьи к этим сборникам О.Л.Фишман, А.А.Тихова, Б.Л.Рифтина. Наиболее подробно история развития короткого рассказа сяшо в период Лю-чао (III–VI вв.) изложена в кн.: Голыгина Н.И. Китайская проза на пороге средневековья (Мифологический рассказ III–VI вв. и проблема генезиса сюжетного повествования). М., 1983.

щие значение для развития китайской литературы прежде всего, как произведения этой литературы, и никакой иной. Не меняет дела и тот факт, что притчи китайских аваданасутр не сохранились в санскритском (или каком-то ином) оригинале. Для изучения этой исходной литературы мы – хотя бы мысленно – должны прибегать к реконструкциям или допущениям, что имеющийся перевод правильно отражает облик исходного литературного произведения. По изложенным причинам мы рассматриваем сутры притч на фоне китайской литературной действительности того времени.

Взаимовлияние собственно китайской и переводной сюжетной прозы можно расценивать двояко: считать, что перевод буддийских притч вызвал к жизни короткие рассказы этого периода, или же наоборот, что притчи, собранные в сборниках, отразили уже сложившиеся в Китае традиции составления сводов коротких рассказов. Факты истории китайской литературы показывают, что первые сборники коротких рассказов начали появляться в Китае в I в. н.э. Первая же сутра притч была переведена (и, может быть, составлена), как мы уже знаем, в конце II в. Если бы буддийские притчи послужили образцом для китайского короткого рассказа, то в этом последнем непременно наблюдалось бы тяготение к морализации и, может быть, к морализации буддийского толка – и уж во всяком случае, в сборниках рассказов попадались бы вкрапления буддийского материала. Между тем мы наблюдаем как раз обратное: со временем уменьшается дидактичность притч и они по своему облику становятся ближе к собственно китайскому рассказу. Наибольшая близость обнаруживается в тех случаях, когда можно утверждать, что до своего окончательного оформления книга притч определенное время обращалась на китайской почве (к этому вопросу мы еще вернемся ниже). Нет также в ранних сборниках рассказов (вплоть до V в.) и сюжетов, которые с уверенностью можно было бы квалифицировать как буддийские. Наконец, есть сборники буддийских притч, составленные в самом Китае, а значит, с расчетом на вкусы китайских читателей или слушателей. Все это убеждает нас, что именно буддийская литература этого рода при своем появлении в Китае следовала за китайской, а не наоборот. Все сказанное отнюдь не исключает роль буддийских сюжетов и литературных форм для последующего развития китайской литературы: она, эта роль, как достаточно хорошо известно, была весьма значительной и определила многое во всех слоях китайской словесности¹⁵.

¹⁵ В литературоведческом плане эти вопросы подробно рассмотрены в следующих публикациях автора настоящей статьи: Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ. Изд. текстов и предисл. Л.Н.Меньшикова. М., 1963 (Памятники литературы

SUMMARY

The present Russian version of *The Sūtra of a Hundred Parables* (*Pai yü ching*) is translated and commented on by I.S.Gurevich. The *Sūtra* is a 5th century work of Chinese Buddhist narrative literature. Its full translation into a European language has never been done before. Stanislas Julien in *Les Avadānas* (Paris, 1859) and Édouard Chavannes in *Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois et traduits en Français* (Paris, 1910-34) translated only the plots of the parables leaving out didactic additions. The *Sūtra* has never been studied as a literary monument. In Japan, where in the 20th century its full translation and analysis was published by Akanuma Chizen and Nishio Miyakoo (in the series "All the Sūtras Translated into the Native Language", *Kokuyaku isseikyō*), the *Sūtra* was viewed as one of the many works written in Buddhist religious tradition, rather than a literary monument. For the first time, a literary criticism of *The Sūtra of a Hundred Parables* was made by L.N.Menshikov.

The Sūtra of a Hundred Parables belongs to Avadāna, a peculiar branch of Buddhist literature in China. The story of the text is traced in two main sources: *A Collection of Data on Tripitaka Translations* (*Ch'u San-teang ts'i ts'i*) and *The Lives of Virtuous Monks* (*Kao seng chuan*) and is as follows. Its compiler is said to be Sanghasena of India who told the *Sūtra* to his pupil Guṇavṛddhi. The latter came to China in 479 and recited the *Sūtra* orally for a long time until he recorded his translation in 492. In 502 (or possibly, in 503) he died in Chien-ye, the then capital of China. The comparison of *The Sūtra of a Hundred Parables* with the same plot parables from the collections translated directly from Sanskrit shows that the Guṇavṛddhi version differs considerably from the original acquiring the forms typical of the Chinese narrative of the hsiao-shuo genre, rather than the forms of Jātaka or Avadāna characteristic of Indian literature. The didactic conclusions of the parables were simplified and became more like Chinese traditional conceptions. Certain purely Indian notions gave place to corresponding Chinese ones. The narrative acquires a more strict form, general discourse reduced and secondary plots omitted. All these changes could take place during the 13 years Guṇavṛddhi stayed in China or, more exactly, between his arrival and preaching and the time he put the text

down. At the same time, certain parts of the *Sūtra* (mainly its poetic section) undoubtedly survived unchanged and very accurately render the Sanskrit original.

The *Sūtra* was a new word in the development of Chinese narrative in two respects. First, the parables of the monument are short humour stories, while hsiao-shuo stories are rather serious. Second, the collection is marked by thematic integrity: it includes stories about fools, stupid actions, foolish or absurd situations whereas the hsiao-shuo collections, as a rule, follow a more broad thematic pattern telling about miracles or anything out of the ordinary line. The overall character of the parables provides grounds to believe that initially the *Sūtra* was called *The Garland of the Flowers of Foolishness*—these words are mentioned in *Sūtra's* final phrase.

The collection lays no claim on being the word of Buddha. The name of its compiler Sanghasena is referred to at the end of the *Sūtra*. Nevertheless, the text starts with an introduction typical of any sūtras included in the Buddhist canon. The introduction always tells where and when and on what occasion Buddha told a related sūtra. However, a more close study shows that this introduction resembles in form certain places of the famous early Taoist work *Chuang tzu*. This undoubtedly later added introduction makes it possible to list the *Sūtra* among the apocrypha of early Chinese Buddhism being the extractions from plots of genuine Buddhist writings. Such compilations usually have similar introductions the Chinese origin of which can be easily traced. The most popular compilation of this kind is *The Sūtra on the Requital for Favour* (*Ta-fang-bien-fo pao en ching*).

The writing of Sanghasena-Guṇavṛddhi had by virtue of all the above changes become a piece of Chinese literature both in form and, to some extent, in content. This explains its durability in Chinese literature to say nothing of its rather entertaining content. For many centuries, it has been a pleasure reading, and already in the 20th century was retold several times to be adapted to contemporary notions. The retellings were of different nature, either leaving the parables unchanged omitting the Buddhist maxims, or adding other didactic endings marked by a modern Chinese flavour, or selecting plots more appropriate for the China of today, etc. The result often being new stories on an old foundation.

In addition to revised versions, the *Sūtra* has been published more than once in its full and original form. The great Lu Hsün, in 1914, paid his own money for the *Sūtra* to be published and favoured its 1926 Wang P'in-

Summary

---

ch'ing variant. The monument in the original has also been published in the People's Republic of China.

The present translation is based on the Lu Hsün text. The translator tried to produce an accurate yet smoothly readable text in Russian. Special terms are clarified in the Notes.

БАЙ ЮЙ ЦЗИН
(Сутра ста притч)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *С.М. Анжиева*
Младший редактор *Н.О. Хотинская*
Художественный редактор *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *Л.Н. Кузьмина*
Корректор *В.Н. Багрова*

ИБ № 15191

Сдано в набор 02.07.85. Подписано к печати 14.01.86
Формат 60×90²/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. п.л. 8,0. Усл. кр.-отт. 9,13. Уч.-изд.л. 9,34
Тираж 20000 экз. Изд. № 5746. Зак. 64. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Отпечатано в Ордена Трудового Красного Знамени
Первой типографии издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9 линия, д. 12